

недвусмысленно подчеркивает, что ересь эта имеет одно оружие – власть, и если той не будет, и она без труда прекратится” (ἐν ὄπλῳ κτωμένη, τὴν ἐξουσίαν ἢ ἀναρρομένης ἀκαμάτως συναναρεθῆσεται καὶ αὐτή). Не думаю, что ἐξουσία здесь означает нечто иное, нежели власть императоров.

Осмелюсь вторгнуться и в наиболее сильную сторону исследования – в качество переводов. При том, что, как я уже отметил, они вполне добротны, встречаются и огрехи: в цитате из Феодора Студита о противопоставлении праведного Рима порочной Византии важно было перевести глагол πλεονάζει не прошедшим временем (“здесь, похоже, преумножилось безверие и беззаконие” – с. 130), а именно настоящим – “множится”, “изобилует”; в гл. 6 Жития Никиты Мидийского (с. 158) правильно, по-видимому, будет не “он сеял не их на дороге”, а “он сеял их не на дороге” (т.е. как разъясняется дальше, “на поверхности разума, чтобы их топтали”); выражение οἱ κοσμοὶ ἀρχόντες лучше переводить не “мирские начальники” (с. 30, 120), а просто “светские власти” (Грозняк, посвятивший этому выражению специальный экскурс в своей книге о VII Вселенском соборе, подчеркивает, что под этим выражением имелись в виду “все без исключения носители светской власти, включая и императоров, хотя прямое указание на них было, конечно, невозможно”¹; усматриваю неточность в переводе 3-го канона того же VII Вселенского собора (с. 30): слова “да будет низложен и отлучен, и все имеющие с ним общение” точнее перевести так: “да будет лишен сана”, и далее “да будут отлучены и те, кто с ним связан” (технический термин καβαίρεσις) и производные от него означают именно лишение сана; мне кажется, так и надо переводить вместо повсюду автором предпочитаемого “низложение”; соответственно ἀφορισμός означает отлучение от церкви.

И наконец, еще одно место в книге прямо-таки поставило меня в тупик. В приложении

Д.Е. Афиногенов издает текст такого интересного и важного памятника как Слово патриарха Мефодия о святых иконах, причем в греческом подлиннике по синодальному списку (л. 182–188) и в своем переводе (с. 189–195) – честь ему и хвала за это, но... Я, конечно, не выверял изданного автором греческого текста целиком, как и не сверял целиком оригинал с переводом. Но одну главу (седьмую), воспроизводящую почти целиком 82 канон пято-шестого (т.е. Трулльского) собора о святых иконах с изображением Агнца я имел возможность выверить по “каноническому” изданию актов этого собора (изд. Иоанну). Мое подозрение оправдалось: хотя предложенный Д.Е. Афиногеновым перевод правилен, он соответствует не издаваемому им тексту синодального списка, который явно содержит в данном тексте глубокоулырочу текста (προυπερφάνω вместо προῦποφάνων – τοὺς παλαίους νόμους вместо τοὺς παλαίους τύπους несогласование τοῦ ἀφροντος ... ἀμύδον Χριστοῦ τοῦ θεοῦ вместо нужного τοῦ ἀφροντος ἀμύδου Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἀντὶ τοῦ παλαίου νόμου вместо ἀντὶ τοῦ παλαίου τύπου, не считая других, более мелких различий), а именно тексту канона в издании актов Трулльского собора. В чем тут дело, я затрудняюсь ответить. Во всяком случае, этот пример лишний раз показывает, как опасно издавать какой-то греческий текст по одному списку.

В заключение хотелось бы отметить, что книга Д.Е. Афиногенова – замечательное, будоражащее (отсюда и “придирки”) произведение, которое несомненно должно быть признано вполне оригинальным и глубоко самостоятельным исследованием. В нем изучен и осмыслен богатый источниковый материал, содержится множество весьма пронизательных авторских наблюдений и уточнений, пересматривается и корректируется ряд распространенных в современной историографии представлений.

И.П. Медведев

La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre. Introduction, Édition et Traduction Marie-France Auzépy / Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs 3, Variorum, 1997

Все большее количество византийских агиографических произведений переиздается и комментируется в последние годы. Наступила, наконец, очередь и “Жития Стефана Нового”, написанного, по всей видимости,

тезкой святого Стефаном Диаконом. Трудно переоценить важность такого издания, ведь произведение это – не только богатый источник по истории первого периода иконоборчества, но и весьма значительный историко-

¹ Τριμανοῦ Σπ. ‘H Z’ οἰκουμένη κὶ σύνοδος καὶ τὸ νομοθετικὸν αὐτῆς ἔργον. Ἀθήναι, 1989. Σ. 18.

литературный памятник. На фоне агиографической литературы того времени, отличающейся, как правило, крайней свободой (если не отсутствием!) композиции, сочинение Стефана Диакона удивительно четко структурировано и во многих отношениях открыло новые пути в развитии житийного жанра. Его значение для историко-литературных исследований определяется также и тем, что в отличие от многих других сочинений дата написания этого жития устанавливается относительно просто, а его герой известен по историческим источникам, поэтому существует возможность видеть, каким образом и когда исторический материал перерабатывался в литературный агиографический сюжет (редкая возможность для исследователя, имеющего обычно дело с анонимными, трудно датированными сочинениями, о героях которых известно крайне мало).

Определенное значение этого сочинения имеет и для древнейшей истории России, на что одним из первых обратил внимание В.Г. Васильевский, посвятивший “Житию” большую и основательную работу, которая, к сожалению, в рецензируемом издании не используется и не упоминается¹. Есть и другая причина для “первоочередного” издания “Жития Стефана”: использующие это произведение ученые до сих пор вынуждены были обращаться к *Patrologia Graeca*, где воспроизводился текст парижского издания конца XVII в., сделанного, естественно, по одной рукописи. Между тем, рукописей сохранилось девятнадцать и М.-Ф. Озепи пришлось очень основательно изучать рукописную традицию прежде чем приступить к изданию текста. В результате была составлена стемма (носящая, по словам автора, предположительный характер) и отобраны десять манускриптов, по-видимому, наиболее точно отражающих прототип; они и легли в основу издания.

Конструируя текст, М.-Ф. Озепи придерживалась похвального принципа: всюду, где только можно, воздерживаться от поправок и стараться сохранить рукописное чтение. Делается это в отдельных случаях даже тогда, когда конъектуры напрашиваются сами собой...

Книга издана в относительно новой серии *Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs*, публикуемой учеными Бирмингемского университета под патронажем А. Брайера и Дж.

Хэлдона (серия начала выходить в 1996 г., в том числе в ней издан и другой агиографический памятник: “Житие патриарха Тарасия” Игнатия Диакона²). Принадлежность книги к новой серии позволила немного варьировать эдичионную технику, которая в отдельных деталях отличается от принятой в тойбнеровских изданиях и в *CFHB*. Все места, где встречаются разночтения между рукописями, отмечены в тексте звездочками, точные библейские цитаты в тексте выделены курсивом. Помимо рукописных различий в подстрочных примечаниях отдельно указывают цитаты или заимствования из Священного Писания, источники и наконец *testimonia*, т.е. случаи цитирования самого “Жития Стефана Нового”. Нельзя не видеть, что все эти “нововведения” служат одной цели – максимальной наглядности критического аппарата. Если при этом учесть наличие подробнейших греческого и французского индексов, то следует признать, что поставленная цель была издателями выполнена замечательно. Весь богатый реальный и исторический комментарий сконцентрирован в подстрочных примечаниях к французскому переводу “Жития”.

Не совсем обычны для изданий византийского литературного памятника также и объем и содержание статьи, предшествующей греческому тексту и французскому переводу. Помимо традиционных для такого рода книг сведений об агиографе, святом, рукописях произведения и предшествующих его изданиях М.-Ф. Озепи предварила книгу настоящим историко-филологическим исследованием о двух Стефанах – авторе и герое “Жития”. Не пытаясь пересказать его содержания, отмечу две интересные мысли, в нем заключенных.

Истинным заказчиком “Жития” был не Епифаний, которому эта роль приписывается в произведении, а женский монастырь Трихинарии, монахини которого желали прославить монастырь и засвидетельствовать его православие в период гонений на иконопочитателей.

Сам же Стефан Новый отнюдь не был смиренным монахом, а скорее политическим деятелем и даже своего рода “политическим провокатором”, развернувшим против Константина V религиозно-политическую пропаганду; именно его деятельность вынудила императора начать преследование монашества. Короткая рецензия не место для обсуж-

¹ *Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового // Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1908. Т. 1.*

² *The Life of the Patriarch Tarasios by Ignatios Deacon (BHG 1698). Introduction, Edition, Translation and Commentary by S. Ruthymiades. Birmingham, 1998.*

дения таких принципиальных и неожиданных выводов. В какой степени они отражают историческую истину, а в какой настроения левой европейской интеллигенции, стремящейся десакрализировать историю и в любой ситуации найти сугубо материальные и политические пружины действия? На этот вопрос нельзя отвечать умозрительно.

Единственно чего читатель не находит во вступительной статье к изданию – литературного анализа очень интересного текста “Жития”. Однако расстраиваться по этому поводу явно преждевременно. Уже широко анонсируется (а может быть, сейчас уже и вышло) исследование М.-Ф. Озепи, озаглавленное

“Агиография и иконоборчество (Житие Стефана Нового)”, которое должно составить (или уже составило) пятый том той же серии, в которой вышла и обсуждаемая книга. Зная направление работ французской исследовательницы, можно предполагать, что литературоведческая проблематика занимает в этом исследовании достойное место. “Житие Стефана Нового” – предмет многолетних занятий М.-Ф. Озепи. Рецензируемое издание – свидетельство того, сколь плодотворным может быть комплексное и всестороннее изучение литературного памятника.

Я.Н. Любарский

Corrigan K. Visual Polemics in the Ninth-Century Byzantine Psalters. Cambridge Mass. Univ. Press, 1992. 325 p. 86 ill.

Рецензию на книгу К. Корриган можно начать словами, служащими обыкновенно вступлением к сказкам: “Это старая и запутанная история...”. Книга посвящена миниатюрам псалтирей IX в. с иллюстрациями на полях (ГИМ. Хлуд. гр. 129д, Pantocrator 61 и Paris Bibl. Nat. gr.20) и носит всеобъемлющий характер: автор затрагивает практически все проблемы, когда-либо ставившиеся в научной литературе в связи с этой группой манускриптов. В ней также представлены самые разные методы исследования: художественный анализ миниатюр как современных поименованным псалтирям рукописей, созданных в Византии и на христианском Востоке, и каролингских манускриптов, так и более поздних, а также кодикологическое и палеографическое их исследование. Огромное значение имеет, кроме того, обращение к дошедшим до нас текстам IX в., принадлежащим представителям партии иконопочитателей – патриархам Никифору (Antirrheticus, Refutatio et Eversio), Мефодию (Канон на восстановление священных образов, Синодик православия), Фотию (Гомилии), Иоанну Дамаскину (Contra imaginum calumpniatores orationes tres, О святых иконах, О ересях), Феодору Студиту (Antirrheticus tres adversus Iconomachos) и др. В центре внимания К. Корриган – полемический характер иллюстраций псалтирей IX в., их уподобление устному диалогу – одной из наиболее распространенных в Византии форм опровержения политических и религиозных оппонентов в эпоху иконоборчества. Исследование содержит интереснейший и обширный материал о духовной жизни Византийской империи иконоборческого времени и перио-

да восстановления иконопочитания (840-е – 860-е годы), но избранная автором тема заставляет его везде, почти в каждой миниатюре, искать элементы полемики, что приводит иногда к тенденциозности в толковании изображений. Так, рассматривая вопрос достоверности священных текстов, в подделке и фальсификации которых часто обвиняли иконоборцев, исследовательница упоминает миниатюру псалтири Pantocrator 61 (к псалму 25:5), где представлены иконоборческий собор 815 г. и (слева) патриарх Никифор, отказавшийся принимать в нем участие. Среди участников собора узнаваем будущий патриарх Иоанн Грамматик со свитком, содержащим собрание цитат из патристических текстов, которые могли быть приведены в оправдание иконоборчества (этот документ был составлен по заказу Льва V). Далее автор отмечает, что свиток в руках Иоанна Грамматика отражает обвинение, выдвинутое на II Никейском соборе против иконоборцев в неправильной интерпретации и цитировании вне контекста патристических источников, что в данном случае получило отражение в изображении свитка (напоминающего таблицы с фрагментами текстов, использовавшихся иконоборцами во время собора в Иерии 754 г.), а не кодекса. Невозможно отрицать полемический характер этой миниатюры, однако трудно поверить, чтобы он проявился в такой мелкой детали.

Создатели псалтирей IX в. с маргинальными иллюстрациями и их идейные вдохновители “принадлежали к высшему слою византийского интеллектуального общества”. Их главной задачей была защита основ православия. Среди их главных оппонентов